

Замчалов Григорий Емельянович

Углей! Углей!

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Емельянович З.**
Углей! Углей! / Замчалов Григорий Емельянович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 134 с.

ISBN 978-5-519-85629-4

ISBN 978-5-519-85629-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Г. З А М Ч А Л О В

У Г Л Е Й!

У Г Л Е Й!

РИСУНКИ В. ВАСИЛЬЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1931

МОСКВА

—

ЛЕНИНГРАД

РЕБЯТА!

*Напишите свое мнение об этой книжке
в Отдел детской литературы Государст-
венного издательства.*

Письма можно посылать без марок.

*Наш адрес: Москва, Рождественка, 4.
Госиздат, Отдел детской литературы.*

КАК ЭТО ВЫШЛО

С Абсурдом я подрался двадцать третьего сентября. Я это знаю хорошо, потому что в этот день я получил от наших письмо. Конверт и сейчас целый. На нем штемпель: 23-9-29, а сегодня 7 декабря. Значит я писал два месяца с лишним. Здорово! Недаром получилась такая толстая тетрадь.

Абсурд — это наш ученик, вместе со мной кончает. Фамилия его Щербацкий Валентин. Я нарочно называю его имя и фамилию. Если он прочитает это, то пусть ему это будет полезно. А обидится — наплевать. Мне таких товарищей не надо.

Подрались мы с ним вот из-за чего. Он сам городской. В деревне никогда наверное не был, а болтать про деревню любит. И, главное, как болтает: с фасоном, с усмешечкой. Подождет свои губы паршивые, ручки в карманы и цедит сквозь зубы:

— Что такое деревня? Это же абсурд. Через сто лет никакой деревни не будет. Будут одни города.

— Кто это тебе сказал? Папочка твой?

— Никто мне не говорил, сам я знаю.

И всегда у него выходит, что в деревне одни вши, темнота, суеверия. Мужики какие-то идиоты или дикари. Занимаются они только тем, что водку пьют и дерутся. Детей забивают на-смерть, грамоты боятся, верят, что попов бог посылает прямо с неба. Ну, одним словом, сви́ньи не сви́ньи, а людьми тоже назвать нельзя.

Много он и правды говорил. Но, во-первых, кроме того, что он говорил, в деревне есть и очень много хорошего. По-моему, в сто раз больше, чем плохого. А потом меня злило, что он говорил свысока: конечно, мол, там тоже люди, но, разумеется, не такие, как я, Валентин Щербацкий. Как же можно сравнивать: я и они — смешно!

В этот раз он притащился к нам в общежитие. С «визитом», как он говорил. Пришел и давай опять:

— Деревня... Мужики... Лежат на лежанке да блох ищут.

Он нарочно говорил и поглядывал на меня. Я сначала только смеялся.

— А что такое лежанка?

— Ну, вроде кровати... Подмостки такие.

— Абсурд ты, больше никто.

Но тут принесли почту. Кто-то крикнул:

— Углей! (Меня так дразнят в школе). Тебе письмо.

Я распечатал. Передо мной, как живые, стали люди, которых я очень люблю: мать, дядя Егорка, Авдошка, Бугор...

Но их спугнул своим жужжанием Абсурд.

— Вот, сразу видно, что из деревни письмо. Грязное все, в навозе. Ты бы хоть руки вымыл после него.

Тогда я не вытерпел. Подбежал к нему и крикнул:

— Уходи отсюда! Уходи, а то... Не уйдешь, да? Ну, так вот...

И я ударил его два раза по зубам. Ребята розняли нас. Абсурда увели, а на другой день на ячейке мне вынесли выговор.

24-го я сел и начал писать. Я хотел не оправдаться, а только показать: 1) что в деревне есть всякие люди — и плохие и хорошие, но такого барахла, как Щербацкие, там пока нет, 2) что в зубы я ему дал все-таки за дело.

1. ЛЕНЬКА

1

Дядю Егорку я боялся как грома. Он сердитый был. Всегда хмурился, злился. Скажи ему что — он молчит. Спросишь — молчит. Придешь помогать — он не дает ничего делать. А матери выговаривает, что я лодыря гоняю.

— Рот только разеваете, на чужих людей надеетесь. А как работать, на это вас нет. Вон погляди, мой Ленька — штурма на работе.

У нас отец в плену пропал, и дядя Егорка помогал нам: пахал нашу землю, косил, молотил у нас. Когда ехал на мельницу, молот и нам. Вот из-за этого он и злился на нас. Мы с матерью целое лето работали на них, а ему было мало; он все думал, что мы ничего не делаем.

Да он не только на нас злился, — он на всех. Вот хоть Леньку взять. На людях хвалил, а дома житья ему не давал. На улицу пойдет — не ходи. Книжку в руки возьмет — зачем читаешь? В школу пошел — две зимы проходил, а на третью он не пустил:

— Дурости вас там учат, руки в карманах носить. Нам книжки некогда читать, нам вон за быками надо да навоз чистить.

Учительница сама приходила просить за Леньку, потому что он шел лучше всех в школе. Но дядя Егорка так и не пустил.

— Нам работать надо, некогда нам. От хозяйства его никак нельзя оторвать.

Так и отстал от меня Ленька. А то было мы вместе учились, первые друзья были. Если можно будет, я когда-нибудь расскажу про него. Тогда вы увидите, какой он был. Сейчас вот уже пять лет прошло, а я его как живого вижу. И никогда наверно не забуду.

В ту осень я видал его редко. Он к нам давно уже не ходил. А я тоже перестал ходить к ним — с тех пор, как дрова пилили у них. Дядя Егорка замучил нас тогда. Мы с Ленькой четыре дня работали, из сил выбились. Другой бы хоть похвалил нас, а этот только ругался. Пройдет мимо, посмотрит и начнет:

— Держи, держи прямей! Куда глядишь? Пилу охота сломать?

— Да мы никуда не глядим.

— Еще скажи! Она десять рублей, а за вас копейки никто не даст!

Устанешь, сядешь отдохнуть — он тут как тут:

— Расселся! Боишься, рученьки отвалятся, конторщик. Постой, я вот те книжечку принесу, считаешь.

Ругался-то он на Леньку, а я знал, что это он на меня. А мне не говорил, потому что не хотел разговаривать со мной. Как будто я не человек, а так, шматок какой-нибудь. Из-за этого я и перестал к ним ходить.

Когда я первый раз шел в школу без Леньки, я все оглядывался, ощупывал себя, раза два хотел вернуться домой, будто забыл что-нибудь. Только у их двора я догадался, что мне не хватает его, Леньки. Ведь две зимы под ряд я каждый день заходил за ним, а теперь вдруг не нужно стало. Он наверно теперь сидит дома и думает, был уже звонок или еще не был.

Тут меня окликнул кто-то.

— Гриша, подойди сюда.

Голос шел из стены их сарая. Я сразу узнал, что это

Ленькин. Подошел — он в дырку выглядывает. Глаза мокрые.

— Ты в школу, да?

— В школу.

— Скажи там, я на тот год опять буду. Упрошу тятьку и буду. А к нам не приходи больше. Тятка сказал — убьет, если придешь.

Недели через две к нам пришла тетка Фроська.

— Машка, у нас Ленька захворал.

— Ой! Что это с ним?

— Я и сама не знаю. Одно — мечется, одно — мечется — третий день уж вот. Простудился, что ли, он, ай так, от людей — кто его знает!

Я побежал к ним. На дворе меня встретил дядя Егорка.

— Тебе чего?

— Я к Леньке. Он захворал, говорит.

— Ступай домой. Без тебя поправится.

Я повернулся и пошел домой. Разве против него можно? Он, правда, убьет еще.

А через три дня, вечером, в субботу, он сам пришел к нам:

— Гришка, пойдем, тебя Ленька зовет.

Пришли — Ленька на кровати сидит. Веселый, краснощекий, будто с мороза только что. Увидел меня, засмеялся и дяде Егорке:

— Тятя, мне сказать ему надо... Можно?

— Ну, что же, скажи. Скажи.

— Нет, ты ушел чтобы.

Дядя Егорка вышел, а Ленька нагнулся ко мне и в самое ухо шепнул:

— Гриша, я умру скоро.

— Как умрешь? Зачем?

— Так, доктор сказал. Меня возили к нему, вчера приехали. Они хоть не сказывают мне, да я сам вижу: мамка день и ночь плачет. Да ты не бойся. Видишь — я не боюсь, и ты не бойся.

Я посмотрел — он все такой же: веселый, краснощекий, будто с мороза. В живот мне упиралась его колеска. Я взял и погладил ее.

— Лень, а как же школа-то? Ты хотел...

— Вот чудной! — засмеялся он. — Тогда мне не надо будет школы. Постой... Я тебя ведь звал... Ага, вот теперь вспомнил. Ту книжку, помнишь — мне учитель-

ница подарила? Ты себе ее возьми. Она за зеркалом. Ты сейчас возьми, а то тятка не даст потом.

В дверь заглянула тетка Фроська. Он закивал ей.

— Иди, иди, мама. И тятке скажи: пускай, если хочет, заходит.

Тетку Фроську прорвало плачем. Она прислонилась к косяку и заголосила. За ней в сенях послышался голос дяди Егорки:

— Ну, чего реवेशь, дура? Мальчишку пугать только.

Ленька второпях зашептал мне:

— Возьми, возьми скорей. А то они налетят сейчас. У них ружья — два сажня, а на конце шишки. Нынче как трахнули, так у меня голова отлетела. Я искал-искал ее, не нашел. Теперь у меня нет головы. Чудно как: Ленька безголовый. Обрубком будут дразнить...

Одной рукой он тер себе лоб, а другой держался мне за рубаху. Щеки у него были все такие же — красные, будто с мороза, а губы смеялись.

2

В понедельник он помер, а во вторник его хоронили. Все плакали: тетка Фроська, моя мать, даже чужие бабы, и те причитали. Больно уж он, говорят, умный да смирный был, чисто голубь сизый. И что это, говорит, за парнишка был — до чего хороший, ну, прямо беда.

А дядя Егорка молчал. Хмурился да молчал. Зубы сжал так, что у него шишки на щеках вздулись, и за все время не сказал ни слова. Я шел сбоку и слышал, как мужики говорили:

— Думаете, правда, с простуды аль от людей? Сам же он его и замучил.

— Ну да, сам. Работой надорвал. Как он морил его на работе — страшное дело!

— Через это и в школу не пустил.

— Все жадуе, все жадуе. Дай ему теперь старое время да земли вволю, да скотины побольше — пропадет. И из себя все жилы вытянет и людей сколько погубит. Одного боится — кулаком запишут.

Люди собрались на поминки, а дядя Егорка ушел куда-то. Хватились его, искали-искали, а он на гумне: дверь к половне приделывает. Одна баба на обеде при всех сказала:

— Ну, моя милая Фросюшка, сколько я крепких мужиков видала, ну, такого, как твой Платоныч, первый раз вижу. И как ты с ним терпишь, не знаю. Ведь это что? Один-разъединый сын у вас был, и ему не жалко. Да тут камень, и тот бы повернулся, а он хоть бы чхнул.

После этого дядя Егорка стал еще сердитей. Он даже с теткой Фроськой перестал разговаривать. Она, когда приходила к нам, жаловалась:

— Машенька, я с ним замучилась. Встает молчком, ложится молчком. Чего сделать надо, поднять — надорвется, а не позовет. Иной раз инда страшно делается: не то чужой, не то мертвый какой. Ты хоть бы с ним поговорила. Брат ведь он тебе.

А он и с матерью не разговаривал. После рождества она пошла к нему хлеба просить. Взаимы, пока в комитете выдадут. Он на лавке сидел. Только она начала ему про хлеб, он встал и ушел. А утром прислал нам в мешочке муки размольной.

На меня он не смотрел. Если я встречался ему на улице, он проходил мимо, будто совсем не видал меня и не слышал, как я здороваюсь с ним. Сперва я думал, он нарочно это, потому что сердает, а потом увидал, что, правда, не видит. Один раз я стал у него на дороге и не схожу. Пускай, думаю, что будет, то и будет. Он задел за меня рукой и ничего, не обернулся. Я крикнул ему вслед: